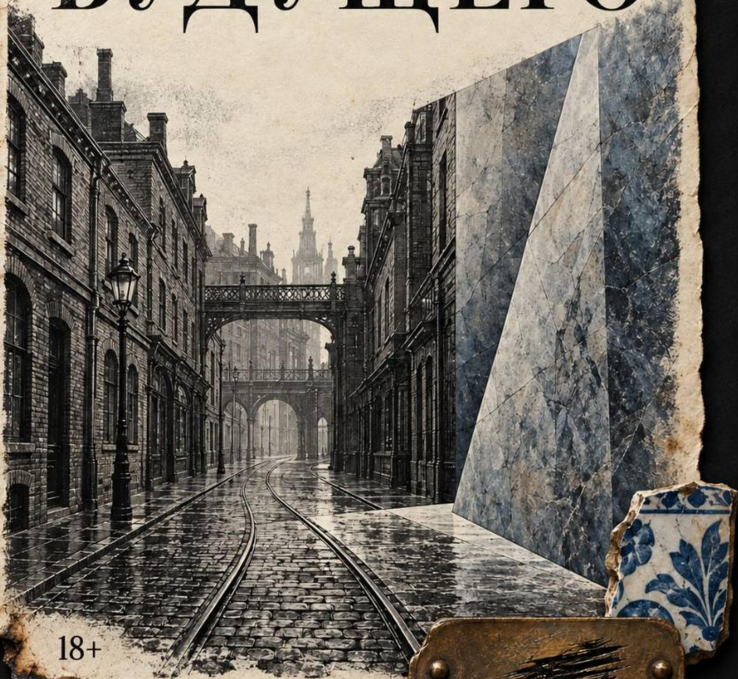

АРКАДИЙ ФРОСТ

ОПИСЬ БУДУЩЕГО

18+

18+

Аркадий Фрост

Опись будущего

<https://litres.ru/74679119>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Лаэрне будущее добывают из-под земли. Найденные вещи продают, изучают и используют как доказательства. Реставратор Вера Вельт умеет отличать подлинник от подделки. За хорошую плату она готова изменить результат экспертизы.

Однажды ей приносят обгоревшую тетрадь, написанную её собственным почерком через девять лет. В ней предсказана гибель города. Человек, отправивший тетрадь, исчезает, а Палата находок требует вернуть вещь.

Чтобы проверить записи, Вере понадобится помощь человека, которого когда-то осудили из-за её ложного заключения. До предсказанной катастрофы остаётся двадцать дней. Но прежде чем довериться будущему, ей придётся ответить за прошлое.

Содержание

Глава первая. Чужая метка	4
Глава вторая. Нижнее хранилище	24
Глава третья. Старая выработка	41
Глава четвёртая. Именная награда	53
Глава пятая. Шестое октября	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Аркадий Фрост

Опись будущего

Глава первая. Чужая метка

Вера сняла с таблички последнюю стружку и смахнула её в жестяную крышку. От фамилии Рутт остался нижний край первой буквы. Под косым светом он ещё различался, и она придвинула лампу, пока в окне ещё было светло.

За стеной заработал пресс. На третьем ударе дрогнула полка с реактивами. Вера переждала, придерживая табличку двумя пальцами. Пресс остановился; внизу кто-то выругался, и работа возобновилась уже тише.

Она поддела скребком остаток штриха.

Латунь была хорошая, плотная, с розоватым отсветом на свежем срезе. Такой сплав она видела только у досрочных вещей. В верхних отверстиях сохранилась чёрная смазка, вокруг нижних металл истёрся: табличку много лет держали на двух винтах вместо четырёх. Кто-то не нашёл подходящих, а потом привык.

Вера перевернула её. На обороте стояло клеймо Палаты — корона над номером сто восемьдесят два. Ниже, отдельно, сохранились цифры: 623.

Дату трогать не требовалось. Кранц особенно на этом на-

стаивал.

Вместо «Рутт» должно было появиться «Кранц и сын». Сыну Кранца едва исполнилось семь, но за девять лет можно было многому научиться.

Вера выбрала из коробки латунную пластинку, примерила её к подготовленному углублению и положила обратно. Слишком красная. Следующая оказалась лучше.

Вера достала оттиск, сделанный перед зачисткой. Подлинный мастер работал без разметки. Вторая буква у него уходила вверх, расстояние перед последней было теснее, чем следовало. Она перенесла эти неровности на бумажную полоску. Кранцу хотелось красивых букв; Вера собиралась сделать ему убедительные.

В дверь постучали.

— Открыто.

Кранц вошёл, боком протискиваясь между шкафом и столом. Пальто снимать не стал. С рукава упала капля на край промокательной бумаги.

— Вы говорили — к четырём.

Вера посмотрела на часы.

— Без двадцати.

— Я знаю. Карета раньше пришла.

Он поставил на свободный угол стола перчатки. Сверху лежал пакетик анисовых леденцов, насквозь пропитавший сладким запахом и кожу, и шерстяную подкладку пальто.

— Можно посмотреть?

— Пока нет.

Кранц потянулся к коробке с печатями. Вера накрыла её крышкой.

— Здесь не ваши.

— Я только взглянуть.

Она вернулась к работе. Кранц некоторое время смотрел на её руки, потом начал рассматривать мастерскую. Ему не нравилось ждать стоя, но второй стул был занят книгами, придавленными доской. Сверху лежали два утюга.

— Что это у вас?

— Переплёт сохнет.

— Моя жена книги стопками ровняет. Без утюгов.

Вера промолчала. Одна из наклеенных полосок легла чуть косо. Она сняла её, скомкала и начала заново.

На полке над лампой стояла фотография. Кранц прищурился.

— Это ваша матушка?

— Да.

— Как здоровье?

Он спрашивал об этом при каждой встрече. Вера так и не поняла, помнит ли он ответ с предыдущей.

— Без перемен.

— А говорили, новые ампулы хорошо помогают.

— Помогают.

— Вот видите.

Она положила скребок и развернула чистую промокашку.

— На табличке останется вставка. Её можно будет увидеть, если снимать патину и смотреть при увеличении. Грубо чистить нельзя. Мочить тоже.

— Она будет под стеклом.

— В прошлый раз вы сказали — в семейном кабинете.

— Там и будет. Под стеклом.

Вера поджала бумажную полоску ногтем. Он уже брался за неё сам, но запнулся.

— Это точно от насоса?

— Скорее от привода. Насос был бы мокрым с обеих сторон.

— Значит, от привода.

— В заключении будет «маркировочная пластина». Я не видела самого устройства.

Кранц забрал со стола леденцы и убрал в карман.

— Сколько ещё?

— Минут пятнадцать. Потом час не трогать.

— Час?

— Я написала вам вчера.

— Да, да. Конечно.

Он отошёл к окну. Внизу завизжали трамвайные колёса. За стеклом, напротив мастерской, двое рабочих снимали с вывески голубые буквы «ДОСРОЧНОЕ СТЕКЛО». Новую вывеску прислонили к стене: «СТЕКЛО ОБЫКНОВЕННОЕ». Хозяин лавки стоял рядом и следил, чтобы не погнули раму.

— Разорился, — сказал Кранц. — А ведь полгода назад очередь была.

Вера работала тонкой иглой, не поднимая головы.

— У него всё равно половина стекла была обычная.

— Людям ведь не докажешь. Пока не разбилось, все довольны.

Он произнёс это почти с сожалением.

Лампа мигнула. Нить на секунду стала тёмно-красной, потом снова разгорелась. Вера успела отвести иглу. Снизу донёсся окрик, пресс замолчал.

— Опять на карьеры дали, — сказал Кранц. — Днём уже работать невозможно.

Вера подвинула к лампе маленькое зеркало. В отражённом свете новая надпись выглядела слишком ровной. Она ещё раз сверилась с полоской бумаги и осторожно укоротила ножку «К».

Кранц заметил движение.

— Там что-то не так?

— Теперь так.

Когда всё было готово, она выключила лампу, убрала инструменты, вытерла пальцы и сняла очки с налобной лупой. На переносице осталась вмятина.

Табличка лежала на белой бумаге. По краям сохранилась зелень, возле верхнего отверстия — старая вмятина. Новое имя казалось частью вещи, которую кто-то когда-то наспех прикрутил к работающему механизму.

Кранц наклонился. Дышал он часто, ртом, и Вера отвела табличку подальше.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо. Только фамилия как-то тесно.

— Вы же хотели старую работу.

— Хотел.

Он полез во внутренний карман.

— Здесь тридцать.

Вера не потянулась за деньгами.

— Осталось сорок.

— Двадцать вы получили заранее.

— Из шестидесяти.

Кранц посмотрел на табличку, потом на часы.

— Альберт сказал, вы берёте пятьдесят.

— У Альберта была треснувшая оправка.

— Такая же латунь.

Она достала из-под стола деревянный ящик и раскрыла крышку. Внутри были отдельные гнёзда, выстланные сукном. Вера начала складывать инструменты.

Кранц подождал.

— Госпожа Вельт.

Она убрала лупу.

Он положил к трём бумажкам ещё одну.

Деньги были мятые, тёплые, с тем же запахом аниса. Вера расправила их, пересчитала и прижала к краю стола стекляннм грузиком.

— Заберёте через час.

Кранц потербил лацкан.

— Есть ещё одна маленькая просьба.

Вера посмотрела на него.

— Покупатель здесь, — сказал он. — Внизу.

Несколько секунд слышно было только, как остывает лампа.

— Какой покупатель?

— У нас всё согласовано. Она хочет услышать от специалиста. Пять минут.

— Вы сказали, это для вашего кабинета.

— Там она и будет стоять. Пластина. Я ведь не сказал, что продаю пластину.

Он взял со стола перчатки.

— Госпожа Фальк входит в дело. Теперь будете знакомы.

Кранц вышел, не дожидаясь ответа.

Вера отодвинула деньги. Под ними на промокашке осталась влажная полоса. Она накрыла табличку папиросной бумагой, сняла её, снова накрыла. Потом выдвинула верхний ящик.

В ящике лежали квитанции, три марки мелочью и аптечный листок. Против шести ампул фармацевт поставил тридцать шесть. Раньше там было тридцать; прежнюю цену он зачеркнул, оставив различимыми обе цифры.

На лестнице послышались шаги.

Госпожа Фальк оказалась маленькой сухой женщиной в

серой шляпке. Поднимаясь, она держалась за перила обеими руками. Кранц поддерживал её за локоть, и она осторожно высвободилась, едва переступив порог.

— Простите, у вас так высоко. На втором этаже тоже ваша мастерская?

— Там шьют обувь.

— А я уж думала, ошиблась.

Она сняла перчатку. На среднем пальце виднелась широкая мозоль от пера.

— Адель Фальк. Я вела счета у братьев Гесс. Теперь уже не работаю.

Вера назвала себя и переложила придавленные книги на шкаф. Госпожа Фальк села, поставив сумку на колени.

— Мне не хотелось покупать вслепую, — сказала она. — Господин Кранц объяснил, что вы работаете с Палатой.

— У меня есть допуск к реставрации.

— Он висит, — вмешался Кранц, показывая на рамку у двери. — Здесь каждый год продлевают. Просто так не дают.

Госпожа Фальк поправила очки.

— Я вижу. Можно посмотреть саму вещь?

Вера раскрыла бумагу.

Старуха не стала брать табличку. Долго смотрела на неё, потом достала из сумки маленькую записную книжку.

— Клеймо сто восемьдесят два?

— Да.

— А выработку можете подтвердить?

— Только по приложенной карточке. Пятый участок, северный отвал. Его я не проверяла.

Госпожа Фальк кивнула и что-то отметила.

— Где именно нашли, мне не так важно. Я хотела бы знать, не привинтили ли туда потом чужую пластину. На фотографии механизма его названия не разобрать.

Кранц пошевелился возле окна.

— Там пыль, я вам объяснял. Фотографировать на месте непросто.

— Я помню.

Госпожа Фальк продолжала смотреть на Веру.

Вера потянула к себе бланк.

— Я могу подтвердить подлинность самой вещи. Состав сплава, следы крепежа, остатки смазки. Где она стояла, без устройства не определишь.

— Но имя на ней настоящее?

Внизу с грохотом открыли ворота. Оттуда пахнуло нагретой кожей и клеем. Кто-то звал сапожного мастера; тот отвечал, что уже спускается.

Вера смотрела на аккуратно починенный шов на перчатке госпожи Фальк. Нитка была темнее кожи. Сама перчатка хорошая, просто очень старая.

— Поздних изменений надписи я не обнаружила, — сказала она.

Кранц выдохнул через нос.

Госпожа Фальк сняла очки, протёрла стёкла.

— Спасибо. Это я и хотела выяснить.

Она не улыбнулась, не стала говорить, что всё теперь будет хорошо. Спрятала книжку, надела очки и спросила, когда можно получить заключение.

Вера заполнила бланк, поставила дату: 14 сентября 614 года. В строке «Состояние» написала: «Следы длительной эксплуатации, местная коррозия». Ниже добавила уже произнесённую фразу.

На букве «ж» перо зацепилось за волокно. Она привычно вернулась к левому штриху и достроила его коротким крючком.

— Мой сын говорит, я тороплюсь, — сказала госпожа Фальк, пока Вера сушила подпись. — Но дальше всё дорожает. Скоро на мои деньги и половины доли не купишь.

— У нас весь расчёт на оборудование, — отозвался Кранц. — Сейчас вложиться, осенью поставить. А к указанному сроку уже своё производство.

Госпожа Фальк прикрыла сумку ладонью.

— В договоре я это прочла.

Вера приложила личную печать. Когда подняла её, на бумаге осталась чёткая буква «В» в овале.

Кранц помог госпоже Фальк встать. На пороге та задержалась.

— Не завернёте ещё раз? Я боюсь задеть.

Вера взяла чистый лист, сложила его вдвое и сделала жёст-

кий конверт с закладными уголками. На этот раз перчатка не касалась металла.

— Так можно держать за края.

Она придержала конверт, прежде чем отдать.

— До пяти не вынимайте. Покрытие ещё сохнет.

— Благодарю.

Они ушли. Кранц прикрыл дверь снаружи, но язычок не попал в замок. Вера дошла и закрыла сама.

На столе лежала полоска с образцом чужого почерка. Она провела по ней ногтем, сложила пополам и бросила в печную топку. Спички находились рядом. Вера зажгла одну и дождалась, пока огонь дойдёт до сгиба.

* * *

К половине шестого дождь кончился. Вера надела пальто поверх рабочего платья, заперла шкаф с заказами и спустилась на улицу. Сорок марок лежали отдельно от мелочи, в плоском отделении сумки.

Возле стекольной лавки уже поставили лестницу. Рабочий наверху никак не мог попасть винтом в отверстие старой рамы. Хозяин снизу объяснял, что попадать нужно левее.

— Сам вижу, — отвечал рабочий.

Из пекарни вынесли противни. Под навесом стояли добытки в одинаковых пыльных куртках, хотя утром шёл дождь. Сапоги они обстучали о край мостовой; на мокрых камнях лежали белые крошки. Один держал завернутый в тряпицу шар величиной с яблоко. Когда он перехватывал

тряпицу, внутри что-то слабо позванивало.

Трамвай прошёл мимо, не остановившись: на задней площадке висела табличка «До депо». По мостовой потекла мутная вода из водосточной трубы. Вера дождалась, пока проедет грузовик, и перебралась через улицу.

У лавки Жака торговали готовыми будущими портретами. Их раскладывали на бархате, хотя рамки были в основном новыми. На одном снимке трое мужчин стояли возле автомобиля с плоским капотом. Лицо крайнего было похоже на лицо продавца.

— Родня? — спросил кто-то из покупателей.

— Кто ж их знает. Может, внук. Может, я сам. Берите, пока недорого.

Вера свернула за угол.

Там ремонтировали колодец городского питания. Из-под снятой крышки тянуло тёплым сырым воздухом. Над траншеей положили доски, и мальчишка в форменной куртке удерживал прохожих, пока двое мастеров протягивали толстый кабель. Он поворачивал круглую красную дощечку то одной, то другой стороной, хотя обе были красными.

— Коротко будет, — сказал один из мастеров.

— Здесь надставим.

— Опять здесь? На схеме нет соединения.

— Ты схему в карман сунь, а то намочишь.

Веру пропустили по доскам. Она придержала подол, стараясь не смотреть на чёрную воду между ними.

Дальше улица спускалась к железной дороге. Над складами висела светлая полоса пустыни. После дождя её края казались ближе, чем обычно. С добычных участков шёл состав: низкие открытые платформы, несколько закрытых вагонов Палаты и пассажирская теплушка в хвосте. На одной платформе под брезентом поднималась высокая прямоугольная глыба. Ткань сбилась на углу, обнажив кусок стены с голубым кафелем.

Вера проводила состав взглядом. Такой кафель ей принесли зимой: гладкий, тонкий, слишком прочный для ручной работы. Хозяин хотел вырезать из него столешницу. Она тогда отказалась — не нашлось подходящего инструмента.

В аптеке очередь стояла до двери. Вера приготовилась ждать, но мальчик за прилавком увидел её и позвал фармацевта.

Тот вышел из задней комнаты, поправляя рукава.

— Вы заказывали шесть?

— Да.

— Хорошо, что пришли. После вас ещё спрашивали.

Он вынул из ящика коробку, развязал бечёвку и показал ровные гнёзда с ампулами. Вера пересчитала их, хотя делала это каждый раз и ещё ни разу не обнаружила ошибки.

— Тридцать шесть, — сказал фармацевт.

— Я помню.

Она протянула деньги. Он поискал сдачу, положил четыре марки на блюдце.

Вера убрала их в сумку.

— На следующую неделю такую же коробку оставить?

— Я скажу в понедельник.

Фармацевт задержал палец над книгой заказов, затем закрыл её.

По дороге домой она купила хлеб и две мягкие груши. Продавец предложил третью с помятым боком, бесплатно, и Вера отказалась, но он всё равно положил её сверху. Уже у перекрёстка она вернулась и доплатила.

* * *

Мать сидела у окна с разобранным учебником. На подоконнике сохла тряпочка, рядом стояла чашка с клеем. Под ногами лежала раскрытая коробка со школьными тетрадями.

— Ты опять взяла работу, — сказала Вера.

— Это не работа. У госпожи Брандт мальчик второй раз корешок оторвал. Я обещала.

Вера поставила сумку, подняла коробку с пола и заглянула под крышку. Учебников там было четыре.

Мать не стала ничего объяснять. Вынула изо рта иглу и воткнула её в подушечку.

— Закрой, пожалуйста, окно. Оттуда опять пылит.

Вера закрыла раму. У нижней петли облупилась краска, и на подоконник упала длинная белая чешуйка. Она подобрала её.

— Я попрошу Келя посмотреть.

— Не надо пока. У него жена родила.

— Петлю он всё равно не сам сделает.

Мать отодвинула клей.

— Купила?

Вера достала аптечную коробку и поставила рядом с чашкой. Мать посмотрела на бечёвку, потом на дочь.

— Опять подорожали?

— Нет.

Елена провела пальцем по строке на квитанции.

— Здесь тридцать шесть.

Вера сняла пальто и повесила на крючок.

— Это с прошлой недели. Я не сказала.

— Ты могла взять три.

— Я заказала шесть.

Она ушла на кухню, вынула хлеб, переложила груши в миску. Одну пришлось повернуть помятым боком вниз. За окном, во дворе, выбивали ковёр; после каждого удара в кухне едва заметно дребезжало стекло в дверце буфета.

Мать появилась в дверях, придерживаясь за косяк.

— Я не про то, что не нужно покупать, — сказала она. — Ты сразу решаешь, что я отказываюсь. А я хочу понимать, на что мы живём.

Вера поставила чайник.

— Сегодня заплатили за большую работу. На этот раз хватит.

— Что за работа?

— Надпись на металле.

— Совсем не читалась?

— Читалась плохо.

Елена немного постояла, затем вернулась к окну. Стул под ней скрипнул.

Вера отрезала два ломтя хлеба, положила на тарелку. Села напротив и взяла незаконченный учебник. Корешок мать уже очистила; из переплёта торчали обрывки прежних ниток.

— Давай я хотя бы сшивку закончу.

— Сначала поешь.

— Чайник ещё не вскипел.

Они работали молча. Мать прижимала тетради к краю стола, Вера проводила иглу через старые отверстия. Бумага была рыхлая, и в двух местах приходилось отступать, чтобы не разорвать сгиб.

— Тебе письмо принесли, — сказала Елена.

Вера подняла голову.

— Где?

— Под коробкой. Я убрала, чтобы клей не попал.

Конверт был серый, без обратного адреса. Имя написали крупно, с сильным нажимом. Вера узнала руку прежде, чем вытащила листок.

«Я теперь в Лаэрне. Комнаты Штайна, задний двор, третья дверь. Матвей».

Ни приветствия, ни даты.

Она сложила листок по прежнему сгибу.

— От кого? — спросила мать.

— По старому заказу.

Елена поправила стопку тетрадей. Вера положила конверт в карман платья и вернулась к сшивке.

Нитка затянулась слишком туго. Она ослабила узел, но на бумаге уже остался надрыв.

Вскипел чайник.

Они пили чай из разных чашек: у одной давно не было ручки, другую Елена не разрешала ставить близко к краю. Груши оказались сладкими. Мать разрежала помятую, аккуратно сняла повреждённую часть и пододвинула Вере лучшую половину.

Когда она начала кашлять, Вера поднялась за водой, но мать жестом остановила её. Подождала, пока отпустит, и сама потянулась за стаканом.

После чая Елена легла. Вера убрала стол, вымыла чашку из-под клея и закончила три учебника. Четвёртый оставила раскрытым: на внутреннем сгибе разошлась старая заплата, её требовалось сначала подклеить.

С нижнего этажа донеслось:

— Госпожа Вельт!

Вера подошла к лестнице.

— Здесь я.

Внизу стоял мальчик в форменной куртке посыльного. Большой плоский свёрток он держал обеими руками. На свёртке была серая бумага, а поперёк — две полосы белой

материи с бурыми краями.

— Вам в мастерскую. Там заперто.

— Я сейчас открою.

Она взяла ключ. Мальчик пошёл за ней по коридору и, когда Вера открыла дверь, первым делом прислонил свёрток к ножке стола.

— Тяжёлый?

— Не очень. Только нельзя перегибать.

— Откуда?

Он вытащил из кармана квитанцию.

— С Архивной. Третий дом. Нижнее хранилище.

На квитанции стояло «Н. Тарн». Вера знала Тарна по двум небольшим заказам: он приносил ей папки с отсыревшими городскими ведомостями. Приносил всегда сам и долго ждал, пока она наметит цену.

— За доставку сколько?

— Заплачено.

Мальчик протянул квитанцию. Под строкой «Принял» было чисто.

Вера расписалась. Он выждал, не убирая бумагу.

Она достала мелочь и дала ему десятую марки. Мальчик сразу спрятал монету и поблагодарил.

— Господин Тарн сказал, сегодня посмотреть. Если сможете.

— Он ждёт ответа?

— Нет. Сказал, придёт.

После ухода посыльного Вера проверила, плотно ли закрыта дверь, и зажгла лампу.

Шкаф с реактивами пахнул спиртом. Со стола пришлось убрать инструменты и вытереть место, где лежала табличка Кранца. Вера сняла с подоконника плоскую доску, положила на неё свёрток и разрежала матерчатые полосы.

Серая бумага была новая. Под ней находился слой тонкой кальки, затем две картонные крышки с лентами. Ленты обуглились по краям; на одной уцелел отпечаток сургуча без печати.

Между крышками лежала тетрадь.

Вера не стала сразу её раскрывать. Осмотрела корешок, посветила вдоль обреза. Верхний угол обгорел, но бумагу не повело: вероятно, огонь погасили быстро и без воды. В глубине переплёта собралась чёрная пыль.

Она приготовила мягкую кисть, два грузика и тонкий лист для отделения страниц. Взяла карандаш, чтобы записать повреждения, и подтянула чистую карточку.

На первую страницу ушло несколько минут. Слипшийся край пришлось освобождать с обеих сторон. Наконец лист лёг на подставку.

Вверху стояла дата: сентябрь 623 года.

Вера придвинула лампу.

Она знала эти буквы. Несколько строк прочла, ещё не понимая смысла, следя за нажимом, за расстояниями между словами. На «ж» перо зацепилось за волокно, вернулось вле-

во и достроило штрих коротким крючком.

Вера достала из стопки копию сегодняшнего заключения. Положила рядом, выровняла листы.

В тетради было написано:

«Кранц отдал мне оставшиеся сорок марок. Шесть ампул стоили тридцать шесть. Я помню обе суммы, потому что потом очень долго считала, сколько стоило бы сказать правду».

Вера ещё раз проверила дату.

Потом встала и закрыла дверь на ключ.

Глава вторая. Нижнее хранилище

Вера подвела под первую страницу тонкое стекло и приподняла её к свету лампы.

На просвет бумага оказалась неоднородной. Возле корешка шли плотные тёмные волокна; ближе к краю — ровные, почти прозрачные. Вера зарисовала их расположение. Затем надела лупу и вернулась к первой строке.

Она могла повторить чужой почерк, если ей давали достаточно времени и образцов. Один раз почти неделю училась ставить подпись человека, который делал это каждый день сорок лет. Всё равно в конце работы приходилось останавливаться перед последней буквой. Человек выводил её одним движением; Вера — двумя.

Здесь остановок она не увидела.

Буквы не совпадали с сегодняшним заключением, как два оттиска. У одного «м» правая ножка получилась длиннее. Писавший торопился, возвращался к пропущенному слову.

Вера вынула из ящика старую записную книжку. Нашла расчёт за переплёт, написанный зимой, и положила рядом.

В дверь постучала мать.

— Ты ещё долго?

Вера прикрыла тетрадь листом.

— Не знаю. Тарн просил сегодня посмотреть.

— Он придёт?

— Обещал.

Она отперла дверь.

Елена вошла, держа шаль на плечах. Посмотрела на кисти, на разложенные грузики, на два листа, сдвинутых вплотную.

— Что с бумагой?

— Не встречала такой.

Мать наклонилась. Вера придержала её за локоть, отодвигая от края стола.

— А шили её дважды, — сказала Елена. — Посмотри у нижней ленты. Старые отверстия рядом.

Вера подвела туда зеркало. Возле стежков действительно темнел второй ряд проколов. Он уходил под обгоревший край корешка.

— Новую обложку ставили, — сказала она.

— Или листы добавляли. Не спеши мыть, сперва всю сшивку разбери. Я однажды так тетрадь угробила: клей размочила, а бумага расползлась по старым проколам.

Вера кивнула.

— Ты сама это писала? — спросила мать, заметив лежавшую рядом записную книжку.

— Это моя старая. Я сравниваю.

Елена ещё раз посмотрела на стол, но спрашивать не стала.

— Оставлю тебе чай. Только накрой, когда нальёшь. Опять весь дом запахнет растворителем.

Когда она вышла, Вера убрала копию заключения в ящик.

Взяла аптечную квитанцию и изучила обе стороны. Сорок марок знал Кранц. Тридцать шесть — фармацевт, его мальчик и люди, стоявшие у прилавка. Ни о чём тайном в тетради не говорилось.

В архиве у Тарна оставались её сметы и расписки. Образцы для подражания ему не пришлось бы искать.

Вера перевернула тетрадь и осмотрела место у нижней ленты. Переплёт переделывали давно: на новых стежках была та же плотная пыль, что в старых проколах. Если тетрадь изготовили сегодня, затем обожгли и состарили, работали над ней с большим старанием.

Она отделила ещё один лист. Тот держался крепче первого; освобождая угол, пришлось несколько раз останавливать кисть. На сгибе осыпалась крошечная чёрная чешуйка.

Почти вся страница была испорчена. Чернила растеклись у внешнего края, середину занимало бурое пятно. Разобрать удалось только несколько строк возле корешка:

«Личные записи. П-5. Так тетрадь называлась в описи. Моего имени там не было».

Ниже начинался другой абзац, но лист прилип к следующему, и Вера не стала тянуть. Для этой бумаги требовалось подобрать раствор и проверить его на отдельном волокне. Она записала читаемую строку в рабочую книжку, зарисовала корешок и прижала тетрадь между чистыми листами.

Часы над дверью показывали начало одиннадцатого.

Тарн не пришёл.

Вера собрала всю упаковку, включая обрезки матерчатых полос, и сложила отдельно. Снаружи подписала только дату получения. Тетрадь убрала в шкаф, а ключ положила в карман. Потом вымыла руки, подержала их под холодной водой и вернулась в жилые комнаты.

На кухне горел маленький свет. Рядом с накрытой чашкой лежала половина груши.

* * *

К восьми утра Вера была на Архивной.

Дом номер три занимал всю короткую сторону площади. Боковые стены у него были глухие, передний фасад прорезали высокие окна. Внизу, почти у мостовой, чернели решётки подвальных продухов. Между ними по камню тянулись белые разводы.

Рабочие вносили через боковую дверь пустые ящики. Вера пошла было туда, но привратник направил её к главному входу.

— Приём с девяти.

— Мне в нижнее хранилище, к господину Тарну.

— С девяти.

— Он вчера оставил у меня работу.

Привратник придержал дверь, пропуская девушку с пачкой длинных конвертов.

— У всех работа. Почти час подождать осталось.

Вера отошла под навес. На двери висели объявления о приёме, оценке и порядке выдачи имущества. Она прочла их

дважды. В каждом разделе нашлось основание оставить принесённую вещь в хранилище до выяснения обстоятельств.

Оригинал она с собой не взяла. В сумке лежали рабочая книжка, старая смета за Тарновы ведомости и кусок новой серой обёртки, на которой сохранилась надпись с её адресом.

Под навесом постепенно собрались люди. Мужчина с клеткой держал на руках чехол от скрипки. Молодая женщина принесла коробку, обвязанную так туго, что картон прогнулся. Время от времени внутри что-то перекатывалось; она поднимала коробку и осторожно встряхивала.

Без четверти девять через боковую дверь вошла женщина в кожаном переднике. Через несколько минут она появилась снова, уже с пустой тележкой. Одно колесо било вбок, и ей приходилось приподнимать край.

Вера помогла удержать тележку на ступеньке.

— Спасибо. Опять штифт выскочил.

Женщина присела, оглядывая ось.

— Вам сюда?

— К Тарну. Я Вельт, реставратор.

— Елена?

— Дочь.

Женщина подняла голову.

— А я у вашей матери полотно покупала. Она ещё тогда на Западной принимала. Давно не видела.

— Дома теперь работает.

Вера придерживала колесо, пока женщина вставляла

штифт. Та провернула его, попробовала тележку и встала.

— Тарна ещё нет. Вам по переплёту?

— По оплате. Он вчера обещал зайти.

Женщина помедлила.

— Пойдёмте. У нас копии лежат. До приёма как раз по-ищем.

Внутри пахло мокрыми досками и мучным клеем. Они прошли мимо весов, спустились на полпролёта и свернули в широкую комнату. На столах лежали рулоны картона, кипы старых обложек и порезанные полосами газеты. В дальнем углу двое мужчин обивали досками большой ящик.

Женщина сняла с полки папку.

— Когда он вам отдавал?

— Вчера вечером.

— Что за работа?

— Тетрадь. В карточке может быть «Личные записи».

Она сказала это, наблюдая за руками женщины.

Та перелистала несколько копий, дошла до середины и остановилась.

— Ваша фамилия не стоит. Тут «внеочередная проверка переплёта». Это оно?

На тонкой бумаге проступали бледные буквы, перенесённые через копировальный лист. Вера прочла номер, затем название: «Личные записи». В графе происхождения стояло «П-5». Дата добычи — четырнадцатое сентября шестьсот сорокачетырнадцатого года.

Получалось, тетрадь нашли вчера.

Вера задержалась на пометке «П-5». Пятый участок? В карточке Кранца был указан северный отвал пятого. Дату добычи пластины она не выписала и теперь жалела об этом.

Вера склонилась ниже. Время приёма оказалось смазано. Зато внизу хорошо различалась подпись Тарна.

— Можно переписать номер?

Женщина подвинула папку.

Вера записала: сорок семь, П-5. Затем дату, название графы и последние цифры приёмной отметки. Рядом уместила подпись, не стараясь повторить её точно.

— Он здесь её держал? — спросила она.

— Недолго. Привезли с утра, после обеда забрал. На своём допуске.

— Сказал, куда?

Женщина закрыла папку.

— Кому переплести. Я думала, к вам. Он последнее время всё сам носил.

Вера убрала карандаш.

— А сегодня его ждут?

Из прохода донеслись шаги. Женщина сняла со стола обрезки картона и положила на папку.

В комнату вошёл человек в тёмном пиджаке. Осмотрел ящик в углу, остановился возле весов.

— Посетители через общий зал, — сказал он.

— За расчётом зашла. Я сама позвала, — ответила жен-

щина.

— Тогда проводите, пожалуйста.

Он подождал у двери, пока Вера застёгивала сумку. Значка на лацкане у него не было. Из нагрудного кармана выглядывал угол пропуска Палаты.

В общем зале уже открыли приёмные окна. За одним из них сидела девушка, которую Вера видела у входа с конвертами. Мужчина подвёл Веру к свободному столу.

— По какому делу?

— К господину Тарну. Он обещал принести расчёт за работу.

— Вы его постоянный подрядчик?

— Несколько раз работала.

Он взял лежавшую на столе папку, просмотрел первую страницу и попросил назвать фамилию.

— Вельт. Вера.

— Адрес мастерской?

Она назвала.

Мужчина записал адрес на бланке. Передвинул бумагу к ней.

— Укажите, по какому вопросу обратились. За хранителя пока принимаю я.

— С ним что-то случилось?

— Сейчас проводится сверка. Господин Тарн освобождён от приёма имущества до её окончания.

— Он у себя дома?

— Если хотите оставить сведения о переданном вам материале, я приму.

Вера посмотрела на бланк. Часть текста уже была напечатана: «Сообщаю о получении на ответственное хранение...» Дальше шло свободное место для названия.

— У меня вопрос об оплате, — сказала она.

— Можете указать это внизу.

Она взяла перо, но писать не стала.

— Сначала нужна опись. Что именно он вам передавал?

Вера положила перо на стол.

— Я говорила о расчёте, который он обещал принести. Получение имущества я здесь подтверждать не могу.

Мужчина придвинул бланк обратно. Ни недовольства, ни удивления он не показал.

— Хорошо. Тогда заявление об оплате. Когда последний раз видели господина Тарна?

— В конце августа.

— Вчера он не приходил?

— Нет.

Это было правдой.

Девушка за соседним столом подала другой бланк. Вера заполнила его, приложила старую смету и вычеркнула слово «получила» в строке о расчёте, заменив на «ожидаю». Мужчина прочёл, поставил короткую пометку и отделил нижний корешок.

— Оставьте номер для связи, если есть.

— Телефона нет.

— Тогда на адрес мастерской. В течение недели.

Вера взяла корешок.

— Кто проводит сверку?

— Палата. Если господин Тарн выйдет с вами на связь, попросите его сначала явиться сюда.

— Он должен знать, что вы его ищете?

Мужчина закрыл папку.

— Благодарю. Следующий.

Вера поднялась. Женщина с коробкой уже шла к столу, прижимая груз к животу.

У двери Вера оглянулась на проход в нижние помещения. Человек в тёмном пиджаке следил за заполнением нового бланка. Девушка держала рядом ещё несколько таких же.

На улице Вера сверила номера: корешок её заявления и запись в рабочей книжке не имели ничего общего. Одну бумагу следовало хранить для ответа об оплате. Другую она убрала в застёгивающийся карман.

* * *

Дома мать заканчивала последний учебник. На месте вчерашней заплаты лежала новая, светлая. Елена придерживала её ладонью, не позволяя бумаге выгнуться.

— Ну что, нашли своего заказчика?

— Нет. Сказали, у них проверка.

Вера прошла в мастерскую, достала тетрадь и завернула её в чистую кальку. Внешнюю упаковку оставила на полке. Из

сумки вынула инструменты, уложила тетрадь между двумя тонкими досками и затянула ремешок.

Мать стояла в дверях.

— Ты куда-то ещё?

— Нужно кое-кого спросить. По этому заказу.

— Вернёшься к обеду?

Вера посмотрела на часы.

— Не знаю. Не жди меня.

Елена кивнула на сумку.

— Там ещё ленты придерживают. Помни, я тебе говорила.

— Помню.

Вера взяла пальто. Уже в коридоре вернулась и поправила отошедший край подклеенной страницы.

— Не прижимай пока. Пусть сначала подсохнет.

Мать убрала ладонь.

На двор комнат Штайна вёл узкий проезд между лавкой свечника и складом готового платья. На середине двора сушилось бельё. Из открытого окна второго этажа пахло жареным луком.

Вера отсчитала три двери. На первой висел медный номер. На второй номера не было. Третью недавно красили; возле ручки сохранились отпечатки пальцев в серой краске.

Она постучала.

За дверью что-то металлически звякнуло. Потом слышались шаги.

Матвей открыл, вытирая руку тряпкой. Вторая оставалась

сухой и чистой. Вера заметила это прежде, чем рассмотрела лицо.

Он похудел. Волосы коротко стригли, и вокруг ушей загорела кожа, которую раньше закрывали пряди. Над левой бровью белел маленький неровный шрам.

— Здравствуй, — сказала она.

Матвей посмотрел на сумку, затем снова на Веру.

— Письмо дошло.

— Вчера принесли.

Он отошёл от двери.

В комнате стояли кровать, шкаф без одной дверцы и стол, застеленный газетами. На столе лежал разобранный замок. Пружину придавили блюдцем, мелкие детали разложили по спичечным коробкам.

Вера остановилась возле стула.

— Садись, — сказал Матвей.

Она села, поставив сумку на пол между ног. Он вернулся к столу и убрал детали в коробку.

— Как Елена?

— Понемногу. Лекарства помогают.

— Всё на третьем этаже?

Вера кивнула.

— Ей тяжело подниматься.

— Она почти не выходит.

Он сложил газету краями внутрь, собирая металлическую пыль.

— Три года, — сказал он. — А я всё думаю, что тебе нужно объяснить про лестницу.

Вера сняла перчатки. На большом пальце правой осталась точка чёрного воска.

— Я хотела прийти раньше.

— Нет. Ты узнала вчера.

— Я не про письмо.

Матвей отнёс газету к печи и вернулся. Сел на край кровати, потому что второго стула не было.

— Говори.

Она достала конверт с его адресом. Разгладила на колене, затем убрала.

— То заключение было неверным.

Матвей ждал.

— На пломбе уже была пыль. Разрез сделали раньше. До того как ящик передали тебе.

— А ты написала «свежий».

— Да.

— Ты тогда это видела?

Она посмотрела на него.

— Видела.

— Хотя об этом больше спорить не будем.

Она начала объяснять, зачем подписала. Матвей поднялся за кружкой; Вера умолкла, не закончив. В кувшине на подоконнике была вода. Он налил ей и поставил на край стола.

— У тебя дело ко мне, — сказал он.

Она не стала отрицать.

— Человек передал вещь на реставрацию. В документах на неё что-то не так. Теперь его ищут в Палате.

— Где вещь?

— Здесь.

Матвей посмотрел на сумку.

— Почему ты принесла её ко мне?

Вера ослабила ремешок, но он положил руку на доску.

— Пока не доставай. Сначала ответь.

Она убрала пальцы.

— Мне нужен человек, который не станет звонить в Палату раньше, чем меня выслушает.

— Ты знаешь, что я не стану?

— Нет.

Он отодвинул руку.

Вера развернула кальку. Матвей не стал касаться тетради. Осмотрел корешок, посмотрел на повреждённые ленты.

— Что внутри?

— Записи. Похожие на мои.

— Похожие?

Она показала первый лист и дала прочитать.

Матвей дочитал до конца, задержался на дате. Затем поднял взгляд.

— Суммы верные?

— Да.

— Кто знал про табличку?

— Кранц. Покупательница. Мать знает, что была работа по металлу, но не сколько мне заплатили.

— Сам Тарн?

— Я ему не говорила.

Матвей наклонился к странице, не приближая лица к обгоревшему краю.

— Я бы начал с тех, кто мог сложить эти суммы. В мастерской у тебя по-прежнему все ходят? Ну вот. Кто-нибудь постоял, послушал. А руку повторить — сама знаешь, можно. Что именно с документами не так?

Вера достала рабочую книжку. Перевернула несколько страниц, показала запись из хранилища.

Матвей прочёл. Попросил дать карандаш и обвёл «П-5».

— Пятый участок?

— Так я поняла.

— Откуда списано?

— С копии приёмной карточки. Её держали в переплётной. Оригинал должен быть у хранителя.

— Дата рядом — чего?

— Добычи. Я название графы переписала.

Матвей перечитал запись.

Он перестал смотреть на тетрадь и держал карандаш над словом «добыча».

— Ты можешь узнать, кто там принимает? — спросила она. — Или возит. Я заплачу.

— Чем?

Она не ответила.

Он положил карандаш на стол.

— Сначала напишешь про пломбу.

— Напишу.

— Сейчас.

— Матвей, я вернусь и всё оформлю. С именами, с номером дела. Не только это.

Он отодвинул кружку и достал из шкафа чистый лист.

— Номер дела у меня есть. Перо тоже.

Вера посмотрела на свои руки. На большом пальце под ногтем застряла зелёная пыль от таблички. Она потёрла её платком, но пыль осталась.

Матвей положил перед ней бумагу.

Она написала фамилию, год и номер заключения. Остановилась перед следующей строкой. Потом добавила: «На момент осмотра разрез пломбы не был свежим. Я знала это, когда подписывала заключение».

Матвей прочёл, не придвигая листа.

— Подпиши.

— Это ещё не всё. Дай я сначала вспомню точно, как мне передавали ящик.

Он забрал перо, закрыл колпачок и положил рядом с признанием.

— Тогда допишешь.

Вера опустила голову. На столе остались и её лист, и раскрытая рабочая книжка. Матвей снова взял карандаш и про-

вёл черту под датой добычи.

— С пятого участка ничего не привозят, — сказал он. —

Третий год.

— Почему?

— Его засыпали.

— Ты уверен, что именно пятый?

Матвей посмотрел на неё.

— Я его засыпал.

Глава третья. Старая выработка

Матвей положил отвёртку поперёк разобранного замка.

— Щебнем до самого верха забили, потом глину возили. Её всё не хватало, пока с запада новую дорогу не сделали. Думали, к осени управимся, а держали до первого снега.

Вера посмотрела на его руки. На среднем пальце правой не хватало половины ногтя; место было старое, гладкое.

— Ты уверен, что это тот участок?

— В каком месте сомневаешься? В пятом или в том, что я там был?

Она подвинула рабочую книжку.

— В букве. Тут «П», а не номер промысла целиком. Это может быть переход, партия, приёмная.

Матвей раскрыл шкаф. На верхней полке лежал бумажный пакет, под ним — две чистые рубахи. Он взял пакет, вынул сложенный вчетверо лист и развернул на столе. В сгибах бумага протёрлась до мелких дырок.

Это был расчёт при освобождении: удержание за питание, стоимость одежды, остаток заработка. Внизу, под фамилией начальника работ, стояло: «П-5. Ликвидация открытой выработки».

Вера машинально придержала угол чистым пальцем.

— Можно переписать?

— Для этого и показал.

Выплаченный остаток составлял девять марок и восемь десятых. За три года. Из них на листе было отдельно удержано за утерянную ложку.

— Кормёжку тоже вычитали? — спросила Вера.

— По двойной цене. Доставлять далеко.

— От города четыре версты.

— Там считали иначе.

Он взял у неё карандаш, повернул лист и показал второй расчёт. На нём было ещё меньше. Первый раз не учли, что последний месяц заключённые уже работали на открытом воздухе, и начислили плату как за подземную выработку. Матвей добился исправления. Исправленный лист и хранил.

В правом столбце дважды встречалось «не полагается». Теми же словами в экспертных бланках отказывали в повторном осмотре.

— Зачем держишь? — спросила она.

— Там одним выдавали справку, потом требовали вернуть. «Ошибка писаря, подождите нового расчёта». Человек уже вещи собрал, а ему ещё три дня в бараке сидеть. У меня обе бумаги есть, и я обе забрал.

Она вернула карандаш на стол остриём к себе.

— А это? — Она указала на перечёркнутую строку с северным отвалом.

— Туда возили породу. Потом развернули дорогу. Глина пошла с западной стороны, там ближе.

Матвей убрал с постели свёрнутое одеяло и достал из-под

него дешёвую книгу с оторванной обложкой. Внутри лежал план, снятый на тонкую просвечивающую бумагу. План был сложен точно по размеру книжки. На странице, к которой он прилип, мореход в длинном плаще стоял у пушки.

Вера потянулась, но Матвей придержал бумагу.

— Это моё. Смотреть здесь.

— Хорошо.

На плане шли ряды прямоугольников, обозначавших отвалы. Часть линий Матвей дорисовал карандашом. От закрытого промысла к водомерной станции тянулась тонкая двойная черта.

— Откуда план?

— Копировал для десятника. Хорошая бумага была, прозрачная. Я ещё один сделал.

— Разрешили забрать?

— Нет.

Он ответил без вызова. Свернул протёршийся край так, чтобы тот не лег под локоть Веры. Она не стала объяснять ему, что копирование закрытого плана прибавило бы к сроку ещё год. Он, вероятно, знал лучше неё.

— За этим вы следили?

— Оттуда воду отводили. Большую галерею тоже забили. Верхний ход мог остаться. Я не проверял.

— Но попасть можно?

— Вера. Я сказал, что не проверял.

Она отняла руку от плана.

С улицы донёсся грохот телеги. Во дворе женщина потребовала поставить бочку другой стороной: краник оказался прижат к стене. Матвей встал, долил воды из кувшина в единственную чашку и поставил перед Верой.

— Если тетрадь нашли вчера, оттуда возят снова, — сказала она. — Или меня обманули с датой.

— Или с местом.

— Надо узнать.

Он промолчал.

Вера прочла на обложке книги остаток названия: «...капитана Оrsa». Под загнутым уголком автор обещал четвёртую и последнюю часть путешествия.

— Ты собираешься уехать?

— Да.

— Куда?

Матвей глянул на оставленный ею лист признания.

— Сначала дождусь подписи.

Она не стала говорить, что пришла с другим делом. Свой лист он положил под расчёт об освобождении, убрал оба в пакет и вернул на полку.

На выходе Вера обернулась.

— Я зайду завтра.

— Днём меня не будет.

— Вечером.

Матвей уже склонился над замком.

* * *

Кранца она застала не в конторе, а у нанятого склада. Двое грузчиков перекатывали внутрь деревянные барабаны. На верхнем краю каждого белой краской был выведен номер, на нижнем висела новая бумажная бирка.

— Что-нибудь случилось? — спросил Кранц.

Говорил он тихо. За дверью маленькой пристройки сидела Адель Фальк, раскладывая на столе бумаги. Рядом стоял мальчик с половиной булки в руке. Он был очень похож на отца, только уши ещё сильнее оттопыривались.

— Мне нужна старая карточка к пластине, — сказала Вера. — Я не переписала дату.

Кранц подождал, пока грузчик выйдет за следующим барабаном.

— Зачем теперь дата?

— Для журнала. Если Палата станет сверять, мне надо знать, что я приняла.

При слове «сверять» он перестал тереть пальцами бумажку от леденца.

— Дома лежит.

— Вы вчера привозили её вместе с вещью.

— Значит, в портфеле. Посмотрю.

Он ушёл в пристройку. Вера осталась возле барабана. Из щели между досками торчал чёрный конец провода в матерчатой оплётке. На бирке было написано «керамика, образцы», но в накладной, которую держал грузчик, значился электротехнический склад.

Адель увидела Веру через окно и поманила.

— Как раз хотела к вам послать. Сыну нужно отдельное заключение. Не заверенная мной копия, а ваше.

Перед ней лежала вчерашняя бумага. Вера узнала неровную «ж» раньше, чем прочла своё имя.

— Это и есть заключение.

— Да. Но сын говорит: в нём не указано, каким способом проверяли надпись. Я ему объяснила, что специалисту виднее. Он просит всё-таки спросить.

Мальчик поднял голову.

— Мне папа сказал, что я буду директором. Потому что там я.

— Доешь сначала, — сказал Кранц из-за спины Веры.

Он положил на стол карточку. Вера взяла её. Добыча — май шестьсот двенадцатого, партия из старого северного отвала, обследование в нынешнем году. Два разных штемпеля, разный цвет чернил. Она переписала оба.

— Тут всё в порядке? — спросила Адель.

Вера посмотрела на заключение. Достаточно было произнести одну фразу. После неё Кранц мог потребовать вернуть шестьдесят марок, а лекарства уже стояли в коробке у матери. Но он хотя бы не получил бы остальных денег Адель.

— Дата добычи здесь другая, — сказала Вера.

— Другая, чем что?

— Мне нужны были сведения для журнала. К самому имени это отношения не имеет.

Адель перевернула заключение и нашла на обороте собственные пометки.

— Я ведь не думаю, будто эта вещь гарантирует нам прибыль, — сказала она. — У братьев Гесс тоже были старые вывески, и все знали, сколько лет конторе. Только деньги со счетов исчезли за одну неделю. Я смотрела книги господина Кранца. Прежде всего книги.

— Конечно, — сказал Кранц.

— Но если и имя подлинное, можно хотя бы не ждать, что завтра он продаст склад и уедет.

Она произнесла это, глядя на него. Кранц улыбнулся не сразу.

В расчётах Адель стояло: «Экспертиза оплачена продавцом». Возле строки она поставила маленький вопросительный знак.

Адель подвинула ей чистый лист.

— Всё-таки напишите о проверке. Я оплачу время.

— Сегодня не смогу. Мне надо поднять рабочие записи.

— Когда?

— Через несколько дней.

Кранц проводил её к воротам.

— Не стоило при ребёнке, — сказал он.

— Чего не стоило?

Он повертел между пальцами карточку.

— Нервировать людей вашими проверками.

Вера ушла, не ответив. Через квартал заметила, что сжи-

мает карандаш так сильно, что грани отпечатались на пальцах. Она разжала руку и убрала его в сумку.

Пластина оказалась из старого запаса. Вера вычеркнула её из своей выписки о вчерашней добыче.

* * *

У двери мастерской стоял мальчик из писчебумажной лавки. Вера узнала красную нитку на рукаве: хозяин помечал ею детей, которым разрешал забирать оплаченные заказы.

— Вам письмо. Сказали, ответ нужен.

Она расписалась в получении, не давая ему переступить порог. В прошлый раз именно так приняла свёрток, не спросив ничего, кроме имени отправителя.

Внутри находилось требование представить на сверку вещь, переданную из нижнего хранилища по карточке сорок семь. Ни слова об авторе, содержании или дате. Подпись — «О. Белин», ниже расшифровка: «Орест Белин, внутренняя проверка».

Внизу оставили пустые строки для объяснения задержки.

Вера ответила, что до оценки состояния предмет перевозить нельзя. Попросила сообщить основание передачи и оставила себе копию ответа.

— Это ему отдай. Скажи, ответа не жду.

— А он ждёт.

— Ты отдал. Я получила.

Мальчик пожал плечами и ушёл.

Мать сидела у окна с учебником на коленях. Третья книга

уже была готова, четвёртая лежала в деревянном прессе. На подоконнике стояла чашка с нетронутым чаем.

— Приходила Фальк, — сказала Елена. — Та женщина, что вчера.

— Я её видела.

— Она спрашивала, давно ли ты работаешь с металлом. Я сказала, что довольно давно. Надеюсь, не помешала?

— Нет.

— Тогда унеси пресс, пожалуйста. Мне надоело, что он здесь качается.

Вера взялась за деревянные щёки, подняла тяжёлую раму. Мать смотрела на неё, будто собиралась добавить что-то ещё, но только попросила достать из нижнего ящика красную нитку.

В своей комнате Вера положила требование рядом с тетрадью. Внутренняя проверка знала номер, а значит, могла посмотреть и подпись Тарна. Если предмет уже числился за ней, отказ не делал её невидимой. Ей требовался кто-то, способный отменить требование Белина.

Она вынула из конверта старую рекомендацию.

Ремез написал её восемь лет назад, когда Вера ещё принимала чужие вещи за столом Елены. «Работает внимательно, не даёт заключений за пределами своей компетенции». Подпись расплылась в месте, которое однажды намокло от цветочной воды. Вера вытерла пятно и сохранила бумагу.

Она не собиралась показывать ему тетрадь. Для начала

хватило бы вопроса о пропавшем архивисте и неправильно составленном требовании.

В Палату вернулась к концу приёма. Человек у лестницы узнал её по утреннему разговору и велел подождать. Служащая Ремеза вышла с папкой, на обложке которой был закреплён веер разноцветных закладок.

— Савелий Андреевич занят. Вы по требованию проверки?

— По своей работе. Мне нужен он, а не проверка.

Служащая подвела Веру к боковой двери. В кабинете за ней разговаривали по телефону; сквозь неплотно пригнанную филёнку было слышно только одно слово, повторенное дважды: «Завтра».

Вера написала на листке: «Прошу уточнить основание передачи по записи 47. Н. Тарн не явился за оценкой. Нужна независимая проверка датировки». Содержание тетради оставила при себе.

Служащая унесла записку. Вернулась почти сразу.

— Завтра к одиннадцати. Савелий Андреевич просит принести ваши наблюдения. С предметом пока повремените.

— А Тарн?

— Завтра сможете спросить.

Вера хотела настоять, но за дверью снова зазвонил телефон.

* * *

Вечером она нашла Матвея во дворе. Он стоял на коленях

у разобранной бочки; женщина держала фонарь, а он затягивал нижний обруч. Краник теперь смотрел наружу.

Вера подождала, пока хозяйка уйдёт.

— Пластину достали в двенадцатом, — сказала она. — Она ничего не доказывает. Тетрадь — вчера. В Палате ответить не захотели.

Матвей поставил бочку ровно, провёл ладонью по доске, проверяя, не капает ли.

— Ремезу сказала?

— Пока только попросила проверить дату.

— А он что?

— Примет завтра.

Матвей вытер мокрые руки о тряпку.

— Он всё ещё тебя принимает.

Она поняла, что не следует объяснять это качеством своей работы.

— Ты можешь посмотреть тот верхний ход? Не спускаться. Только узнать, открывали его или нет.

— Могу. С тобой.

Вера несколько секунд молчала, опасаясь заговорить слишком быстро.

— Сколько?

— За один выход десять. На дорогу отдельно. Никаких чужих свёртков. Увидишь пост — сначала скажешь мне, потом будешь здороваться со знакомыми.

— Хорошо.

— И я могу повернуть обратно. В любом месте.

— Хорошо.

Он наконец посмотрел прямо на неё.

— Ты на это деньги найдёшь без заключения?

Вера опустила руку в карман, нащупала аптечную сдачу, уже пересчитанную на хлеб и масло.

— Найду.

Матвей поднял фонарь. Вода сочилась из-под обруча тонкой тёмной полосой.

— Тогда скажешь, когда найдёшь. И подожди минуту, помоги наклонить.

Она подошла с другой стороны, подставила колено и взялась за скользкое дерево. Вместе они повернули бочку, не пролив воды на край ступени.

Глава четвёртая. Именная награда

В приёмной Ремеза поменяли кресла. Прежние, зелёные, пахли сырым волосом, когда на них садились в мокром пальто. Новые были обтянуты коричневой кожей, и Вера по привычке провела пальцем по краю: ровная машинная строчка, слишком тугая у поворота.

— Не нравится? — спросил Ремез из дверей.

Она встала.

— Лопнет на углу. Подложку не срезали.

— Так и знал, что вы найдёте. Проходите.

Восемь лет назад он говорил ей «ты». После дела Матвея перешёл на «вы», без видимого повода, и Вера тогда решила, что это признание её самостоятельности.

Кабинет был прежний: шкафы с матерчатыми занавесками вместо стёкол, низкий стол для карт, узкое окно во двор. На подоконнике сохла глина на маленьком насосном клапане. Рядом стоял завёрнутый в бумагу хлеб.

Ремез предложил сесть.

— Как Елена? Всё собираюсь ей написать, да только приветы через вас передаю.

— Работает понемногу. Дышит хуже.

— В клинике на Верхней освободилось место. У них новый аппарат, привезли в августе. Через неделю будет врач, который умеет им пользоваться. Если понадобится направ-

ление, скажите.

— Спасибо. Я спрошу её.

— Спросите. С вашей матерью иначе нельзя.

Савелий Ремез постарел не лицом, а движениями: раньше он мог подойти к одному шкафу, на ходу передумать и повернуться к другому. Теперь сначала смотрел, потом вставал. Он извлёк из папки вчерашнее требование Белина.

— Это пришлось отложить до моего возвращения. Служба проверки не всегда учитывает характер реставрационных работ.

— Мне не объяснили, что именно я должна вернуть. По этой бумаге выходит, будто приняла исправный предмет на хранение.

— Я вижу, вы отказались. И правильно: состояние предмета до получения этим бланком не учтено, а отвечать заставили бы вас. Попросим другой акт. Нельзя подписывать то, чего не делали.

— Тарн должен был прийти четырнадцатого, — сказала она. — Не пришёл. Вчера мне сказали, что он на сверке.

— По моим сведениям, да. Он получил несколько предметов вне установленного порядка, пришлось разбираться. Ваш среди них.

— Его отстранили?

— От приёма. Не от работы вообще. Не превращайте это в арест, Вера.

На столе стояла фотография переполненного двора. Люди

с бидонами, на переднем плане солдат держал деревянный ковш. Вера помнила эту фотографию ещё в другом, дешёвом багете.

— Вы тогда тоже не дожидались установленного порядка,
— сказала она.

Ремез посмотрел на снимок.

— Когда воду закрывали? Да. И ваш отец три дня ругался у моей двери. У него были заказы, а я перекрыл половину Торговой.

Вера не помнила самой очереди, только как мать кипятить бельё в большом котле. Отец умер позже, от другого, и к тому перекрытию это отношения не имело.

— Больничные ведомости пришли за одиннадцать месяцев до болезни, — сказал Ремез. — С фамилиями, улицами, днями поступления. Мы проверили колодцы. Закупили то, чего прежде держали по две коробки. Люди потом спрашивали, зачем мы напугали их выдуманной эпидемией. Умерло всего сорок семь.

Он поправил хлеб на подоконнике, освобождая место для папки.

— Сорок семь — не мало. Но при восьмистах заболевших мы ожидали худшего. Теперь спорят, изменили ли мы исход или в тех ведомостях уже были учтены наши лекарства. Я не знаю. Зато знаю, что закрытый колодец безопаснее открытого.

Вера впервые услышала от него «не знаю» без раздраже-

ния.

— Мне нужна проверка бумаги, — сказала она. — И записи о том, откуда её достали. На карточке П-5.

— Что в ней вас беспокоит?

— Рука. У меня есть похожие образцы, но я не уверена.

— Чья?

Вера вынула зарисовку сшивки и маленький лист с двумя скопированными словами: «Личные записи».

— Пока не хочу ставить имя. На такой бумаге легко ошибиться.

Ремез задержал взгляд на копии, потом нажал кнопку звонка.

— Я пригласил человека, который лучше меня разбирается в описях. Посмотрите вместе. Если понадобится предмет, составим акт на временное исследование, без ответственности за состояние до получения.

Дверь открылась. Мужчина в потёртом форменном сюртуке вошёл с рулоном карт под мышкой. На носу у него остался прямоугольный след от очков; сами очки висели на тесёмке в вырезе жилета.

— Тимур Ланской, — представил его Ремез. — Военная история и документы. Вера Вельт. Вещи, которым перестаёшь верить, когда она берёт их в руки.

Ланской пожал ей руку, переложив карты.

— Я принёс описи и карты, — сказал он. — Много военных сокращений. Если не разберёте, спрашивайте: иной раз

сам не понимаю, что коллеги имели в виду. Куда можно положить?

Ремез уступил им низкий стол. Служащая принесла длинную коробку, две папки и записку с номером хранилища. Сам Ремез ушёл отвечать на вызов; дверь в соседнюю комнату осталась открыта.

Ланской не стал рассматривать её копию на весу. Положил на чистый лист, пригнул угол грузиком.

— П-5 действительно обозначает Пятый, — сказал он. — Но есть складская серия с таким же сокращением. Придётся посмотреть полный номер. Вы его видели?

Вера назвала сорок семь и дату.

Он записал их в свою книжку.

— Добыча?

— Именно добыча.

— Тогда нужна выездная ведомость. Здесь только приём после доставки.

Он развязал папку. Внутри лежали фотографии узких мостов, листы с размерами стрелочных переводов, копии приказов. Между ними Вера увидела лист с круглой дырой от выгоревшей печати.

— Не мочите край, — сказала она. — Волокно уже порвано по контуру. Если расправлять паром, середина выпадет.

Ланской тут же отодвинул стоявшую рядом чашку.

— Я только грузом прижимаю. А вот это можно?

Он открыл длинную коробку. На сером сукне лежала се-

ребряная медаль с узким кольцом. Ни ленты, ни коробочки от награды не было. На обороте мелкими буквами вырезали: «Тимуру Ланскому». Ещё ниже — номер и год: 615.

Вера повернула вещь за край.

— Давно достали?

— В начале лета. Пришла вместе с жестяным футляром от документов. Бумаги ещё разбирают.

— Ваше имя?

— Похоже на то. Другого Тимура Ланского в служебных списках нет.

Вера посмотрела на потёртую пуговицу его мундира.

— Не носите?

Он чуть улыбнулся.

— За что? Пока даже благодарности не объявляли.

Ланской вернул медаль в углубление, не оборачивая больше к свету.

— Вещь настоящая? — спросил он.

— Надпись сделана до того, как она долго лежала в сырости. Металл надо проверять отдельно. Само по себе это не доказывает имя владельца.

— Здесь имеется заключение по сплаву. А имя вы тоже могли бы изменить?

Вера опустила крышку.

— Могла бы.

— Тогда тем более подождём бумаг.

Пока Ланской завязывал тесьму, в соседней комнате Ре-

Ремез говорил с человеком, которого Вера не видела.

— Будущая расписка не освобождает от нынешнего долга, — произнёс он довольно громко. — В договоре указано, когда платить. Что будет написано через два года, пусть через два года и предъявляет.

Дверь закрылась, и остального она не слышала.

Ланской убрал медаль подальше от чашек и развернул опись. Напротив четырнадцатого сентября стояло «передано в нижнее хранилище», без места добычи.

— Это приём после доставки, — сказал он. — Без выездной ведомости мы с вами так и будем толковать одно сокращение. Я запрошу дубликат; если появится раньше общего ответа, сразу сообщу. Адрес мастерской у вас прежний?

Вера назвала адрес. Ланской записал его под номером карточки и оторвал листок с собственным: комната при старом офицерском собрании, телефон через дежурного до шести.

Когда Ремез вернулся, Вера уже убрала свои бумаги.

— Предмет останется у вас до предварительного заключения, — сказал он. — Сообщите, когда сможете передать. Белину я скажу.

— А Тарн?

Ремез подождал, глядя на неё.

— Сегодня уточню.

* * *

У лестницы женщина в серой шляпке спрашивала дорогу

к внутренней проверке. В руках у неё была маленькая сумка, на пальцах — дешёвые траурные кольца из чёрного стекла. Дежурный объяснял, что по поводу пособия нужно обращаться не сюда.

— Мне не пособие. Мне вещи забрать, — повторяла она. — У него ключ от квартиры здесь остался. Мне сказали, из рабочего стола не выдадут без разрешения.

Вера остановилась, узнав фамилию.

— Вы к Тарну?

Женщина посмотрела на неё.

— Вы Николая знали?

— Немного. Он приносил мне работу.

Служащий перестал перебирать карточки.

— Ночью нашли, — сказала женщина. — У нижней решётки. Я с утра с одной бумажкой хожу. Там говорят, у вас, здесь — что у них. Не знаю уже, что ещё нужно.

Вера спросила где, и женщина назвала приёмную речной полиции, рядом с водосбросом. Потом снова заговорила с дежурным, объясняя, что в квартире есть второй ключ, но до утра сидеть у соседей она не может.

Вера вышла на крыльцо. Из открытой форточки кабинета Ремеза доносился телефонный звонок. Она постояла, положив ладонь на холодный поручень, затем повернула вниз по Архивной.

Ланской догнал её у перекрёстка.

— Вы обронили.

Он держал карандаш, которым она рисовала сшивку. Вера взяла его и зачем-то проверила кончик.

— Архивист умер, — сказала она.

Ланской не спросил, какой.

— Тот, что передал предмет?

Она кивнула.

— Только что узнала. Его жена пришла. Я пойду в речную полицию.

— Постойте. Одну минуту.

Он сбегал обратно, попросил дежурного позвонить в офицерское собрание и вернулся, застёгивая сюртук.

— Я с вами.

— Зачем?

— У меня там смотрели старые ведомости по перевозкам. Знают. Может, не придётся ждать до завтра.

На дороге к реке молчали. Ланской один раз отвёл её от края мостовой, пропуская конку, но спрашивать о тетради не стал.

В приёмной было жарко от железной печи. На решётке сушились две пары промокших сапог, одна на боку, с открывшейся подошвой. Писарь принимал показания у мужчины в мокром до колен фартуке. Тот повторял, что решётку поднимают каждое утро; если бы человек был там вчера, его нашли бы вчера.

Ланской переговорил с другим служащим. Веру спросили, родственница ли она, потом позволили подтвердить све-

дения о последнем заказе. Ей дали чистый бланк, но она попросила сначала показать карточку.

«Тарн Николай. Служащий Палаты находок». Оpozнание супругой. Дата обнаружения — шестнадцатое сентября, пять часов сорок минут. Под фотографией лежала отдельная полоска с описанием одежды и пустой строкой «деньги, ценности».

Вера узнала воротник: Тарн всегда застёгивал его на маленькую костяную пуговицу, наискось прорезанную иглой. Здесь воротник был оторван с одной стороны.

На прошлой неделе он сидел у её стола и ждал расчёта за папки. Вера помнила не его лицо, а вытертые ладони перчаток. На правой он сделал внутри заплатку, поэтому ткань при движении выпирала наружу. Она посоветовала повернуть заплату, а он ответил, что тогда будет тереть кожу. Они проговорили об этом больше, чем о самих ведомостях.

Теперь перчатки лежали на фотографии рядом с ремнём, расправленные для описи. Заплатка так и осталась внутри.

Вера спросила, можно ли сообщить жене, что перчатки здесь. Служащий написал что-то в карточке и сказал: после окончания осмотра получит всё, что не потребуется для дела.

— Ограбление? — спросил Ланской.

— Пока так, — сказал служащий. — Бумажника нет. Удовольствие осталось в подкладке.

— А когда он умер?

— Врач укажет. Вы по последнему месту работы?

Вера рассказала о посылке. Число, время, адрес, обещание зайти. Не произнесла ни года на странице, ни своего предположения о почерке. Служащий записал, попросил подписать.

На этот раз она прочла весь лист и подписала.

— Кому он поручил принести? — спросил писарь.

— Посыльному. Мальчик лет двенадцати. Не знаю имени.

Писарь поднял на неё глаза.

— В другой раз спрашивайте.

Вера спрятала под стол испачканные патиной ногти.

* * *

На набережной Ланской купил вразнос два стакана чая. Один подал Вере, обернув бумагой, чтобы не обжечь пальцы.

— Я доложу Ремезу, — сказал он. — Если он ещё не знает.

Она попробовала представить, как глава Палаты узнаёт о смерти своего архивиста от человека, с которым час назад обсуждал его рабочий допуск.

— Только обо мне не надо.

— Вы же дали показание.

— О нём не надо рассказывать больше, чем я подписала.

Ланской посмотрел на неё внимательнее.

— Я не следователь, Вера. Но если есть опасность для вас, её лучше назвать.

— Пока я могу назвать только человека, который принёс мне работу. И теперь он мёртвый.

Ланской не возразил. Допил чай, собрал оба стакана и вернул продавцу.

— По ведомости я всё-таки узнаю. Пришлю ответ.

Она поблагодарила. На обратном пути зашла в лавку, где брала бумагу, и купила две дешёвые кисти вместо одной хорошей. Для размокших листов требовалось несколько: если чернила поползут, нельзя будет той же кистью идти дальше.

Мать встретила её в коридоре с законченными учебниками.

— Брандт приходила. Всё забрала. Новый заказ оставила, срочный. Я сказала, ты посмотришь.

Вера приняла свёрток, положила на стол. Села, не сняв пальто.

— Мама, Тарн погиб.

Елена прислонила ладонь к дверному косяку.

— Тот, который ждал смету?

— Да.

Они помолчали.

— Что он принёс тебе? — спросила мать.

Вера вынула ключ от шкафа. На этот раз закрывать дверь перед разговором не стала.

Глава пятая. Шестое октября

С тетради сняли тканевые полосы, пересчитали листы и записали порядок швов. На стекле Вера разложила три вытященные нитки: первая ломалась от прикосновения, две другие ещё тянулись. Елена ткнула иглой в место, где узел уходил под наклеенную бумагу.

— Не режь здесь. Иначе не поймёшь, что добавляли.

Вера перевернула переплёт. Мать подала деревянную лопаточку. Они работали до ужина, останавливаясь через каждые несколько минут. Елена уставала держать голову наклонённой, и тогда Вера относила ей лампу, поднимала стекло выше и ждала.

Первые страницы были написаны чёрными чернилами. На одной появилась фиолетовая вставка, на другой — вклеенный клочок печатного текста. Поля заполнялись позже: рука мельчала, строки поднимались к краю. Тот, кто вёл записи, не собирался выпускать книгу. Он возвращался к уже написанному и дописывал то, для чего не осталось места.

Мать больше не спрашивала, чья это рука. Положила рядом старую расходную книжку Веры, проверила три буквы и убрала обратно.

— Насколько далеко там даты?

— Девять лет.

— Значит, торопиться тебе незачем.

Вера подняла глаза. Елена держала лопаточку, но пальцы чуть дрожали.

— Мы не знаем, кто это написал.

— Я вижу. Не знаю только, когда.

Нужный раствор оказался самым слабым. От него бумага темнела, потом почти возвращала прежний цвет, а чернила не шли за кистью. Вера подвела под слипшуюся середину промокательный лист, освободила край. Сначала открылись чужие печатные строки: обрывок сводки, номер выпуска, слово «северный». Под ними шёл её собственный текст.

«Шестого октября к вечеру Лаэрна не стало. В сводке это назвали первой октябрьской войной».

Она перестала двигать кистью.

Капля собралась на кончике и упала на стекло.

— Вера, отними, — сказала мать.

Она подняла руку.

Елена дочитала сама. Потянулась к настенному календарю, но не дотянулась и попросила снять. Завтрашнее число, семнадцатое сентября, было обведено хозяйским карандашом: следовало платить за комнаты.

— Год тот же? — спросила мать.

Вера нашла его в уцелевшей строке чуть ниже. Шестьсот четырнадцатый.

Елена сосчитала дни ногтем по клеткам, убрала календарь на край стола.

— Двадцать дней. Что значит «не стало»?

— Не знаю.

— Посмотри дальше.

Следующие строки ушли с выгоревшим краем. От одного предложения осталось «на станции», от другого — «не принимали». Вера перевернула стекло. Ниже пятна сохранились две целые строчки:

«Самое страшное — я помогала добровольно».

Перед ними был пропуск, после — тёмная рыхлая бумага. Вера попробовала подсветить её с другой стороны, но увидела только переплетение волокон.

— Кому помогала? — спросила мать.

— Тут нет.

Елена подвинула к себе расходную книжку. Полистала, проверила даты и положила обратно, словно надеялась обнаружить другую руку в самой обычной записи.

— У человека, который умеет это сделать, могло быть много твоих бумаг.

— Могло.

— Но для чего ему понадобилась такая работа?

Вера могла бы состарить такую тетрадь за несколько месяцев. Откуда взять эти месяцы человеку, знавшему о недавнем платеже, она не представляла.

— Ремез говорит, Тарн передал вещь не по правилам.

— А ты думаешь, его убили?

— Я не видела тела. Там сказали — ограбили.

Мать коснулась поля страницы. Вера успела сказать, что

оно сухое, но Елена уже отняла палец.

— Вымывай руки, я молоко поставила. Да поставь ты эту кисть, капает же.

— Ты прочла?

— Прочла, Вера. И сейчас сяду рядом с тобой и начну считать до октября — думаешь, не хочется? Только молоко уже тёплое, второй раз я его греть не стану. Поставь под стекло и иди.

Они ели вчерашний хлеб с тёплым молоком. Мать спросила, кто из соседей знает о тетради. Вера перечислила тех, кому показывала или говорила, и впервые обнаружила, как длинен список. Кранца в нём не было. Адель тоже. Это почему-то было хуже: люди, которых она уже обманула, ничего от неё не узнали.

— Я не пойду с этим в газету, пока не проверю, — сказала Вера.

— Газета — это потом. Начни с того, кто принимает решения о тебе. Я здесь живу тоже.

Елена отнесла тарелку к раковине. Вера хотела забрать её, но мать удержала.

— И если решишь уезжать, сперва скажи мне. Не ставь у двери готовый чемодан.

* * *

Наутро, семнадцатого сентября, Вера развязала новый заказ Брандт. В свёртке лежала толстая книга переписи домов, которую залили маслом. Её нужно было раскрыть к заседа-

нию правления, поэтому заказчица согласилась на двойную срочную плату — двадцать марок авансом и ещё столько же после окончания.

Вера подержала купюру на ладони. Её хватало на Матвея, дорогу и немного еды. Подпись под распиской не требовала лжи.

Прежде она отказывалась от таких заказов: срочные означали ночь без сна, а правление домовладельцев любило после сдачи работы находить недостающие полмарки. Гораздо выгоднее было за час сменить надпись и не спрашивать, для чего. Теперь на чистом листе она выписала, сколько потратит на бумагу, уголь для нагрева и новый клей. Остаток получался меньше, чем хотелось, но он существовал.

Елена заглянула через плечо.

— Брандт обещала дать ещё книгу собраний. Не срочную.

— Пусть принесёт.

— Ты же уезжаешь.

— Я вернусь. Потом сделаю.

Мать не стала смотреть на накрытую стеклом тетрадь. Вера тоже.

Она проработала до полудня. Разогретое масло уходило в промокательную бумагу, оставляя на ней жёлтые квадраты. Приходилось останавливаться, менять лист, переворачивать груз. Это была работа, на которую она когда-то рассчитывала жить.

Матвей пришёл сам. Постучал дважды, остался в коридо-

ре, пока она не позвала.

— Ты не сказал, когда, — заметила Вера.

— Хотел увидеть, что собираешься брать. Ты вчера уходила к Ремезу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.